

Татары в казахской степи: соратники и соперники Российской империи

Анатолий Ремнёв

Ключевые слова: арабский алфавит, Васильев А. В., Валиханов Ч., Ильминский Н. И., кириллица, культуртрегерский проект, «мусульманский фанатизм», национализация имперской политики, ориенталистский дискурс, «отатаривание» казахов, русификация, русско-казахские школы, Степная комиссия, цивилизационная миссия России.

Татары в Степи как «мобилизованная диаспора»

Расширение политического и экономического влияния России на казахскую степь во второй половине XVIII века совпало с доминированием в имперской политике просветительской идеологии, в которой исламу как монотеистической религии отводилась вспомогательная роль в цивилизационной миссии русских¹. Установился толерантный взгляд на ислам, были предприняты попытки его огосударствления. Достижению этой цели должны были способствовать, во-первых, созданное по распоряжению Екатерины II в 1789 году в Уфе Оренбургское мусульманское духовное собрание (ОМДС), во-вторых, формируемый ОМДС институт так называемых указных мулл². Мусульманская организация мыслилась (и готова была стать) элементом имперского управления, а начавшееся при поддержке правительства строительство мечетей — важным компонентом не только конфессиональной политики, но и масштабного культуртрегерского проекта. Привлекаемые мечетями, казахи должны были чаще посещать русские города и со временем перейти к оседлому образу жизни; мечеть должна была стать своеобразным центром притяжения, вокруг которого могло бы в Степи образоваться казахское

Анатолий Викторович Ремнёв, профессор кафедры дореволюционной отечественной истории Омского государственного университета, Омск.

сообщество или целое поселение. Империя шла к казахам, как инструктировал своих офицеров западносибирский генерал-губернатор П. М. Капцевич, «не с саблею в руках, но с Аль-Кораном».

«Умиротворение» степных раздоров и улучшение условий для торговли облегчили активизацию в этом регионе татар³. Помимо товаров, они несли теперь в Степь свою культуру и религию, что тоже могло способствовать распространению оседлости и земледелия. Казалось, что татары, уже достаточно давно интегрированные в империю и не доставлявшие ей особых хлопот, помогут противостоять опасной конфессиональной экспансии в Степь с юга, из традиционных среднеазиатских мусульманских центров — Ташкента, Бухары и Хивы. Поэтому мусульманское духовенство рекрутировалось из считавшихся лояльными татар; кроме того, империя активно использовала их в качестве переводчиков и писарей. Заметные персонажи в сценариях имперской власти в Степи, они сыграли важную роль на стадии присоединения казахов к России⁴. Предполагалось, что знание языка и обычая казахов, длительные исторические контакты, принадлежность к единой вере и близость языка позволяют татарам стать культурными посредниками в деле включения казахов в состав империи. Долгое время татарский торговец, мулла и учитель (часто в одном лице) были связующим звеном между российской властью и казахской знатью. «Татарский» язык был языком сношений царского правительства и региональных властей с казахской элитой, татарские муиллы и торговцы — поставщиками информации для российских властей о российских казахах и сопредельных странах Центральной Азии.

Таким образом, татары стали своего рода имперскими посредниками в торговле, управлении, школьном образовании и даже научном изучении Степи, что вполне можно описать в категориях «мобилизованной диаспоры». Применительно к поволжским татарам Андреас Каппелер отметил, что «их дополняющие функции в значительной мере определялись их хозяйственной, политической и культурной посреднической деятельностью между Россией и Средней Азией, к которой они были особенно близки и предрасположены как мусульмане»⁵.

Вместе с тем на начальном этапе империя не ставила широких социокультурных задач, в том числе и задачи христианизации казахов, ограничившись политико-административным и фискальным устройством Степи, закреплением верноподданства ее населения. Однако уже на этапе «административной русификации» империя

расширяла зону применения русского языка в делопроизводстве и в подготовке кадров для местного управления. При этом возникли опасения, что «татарские» посредники, монополизировав конфессиональную, образовательную и торговую сферы, играя значительную роль в системе косвенного управления казахами, могут преследовать какие-то свои цели и негативно с точки зрения империи влиять на казахов. Уже в 1825 году начальник Омской области С. Б. Броневский секретно предписывал «отклонять пристойным образом просьбы киргизов об определении к ним муллов и учителей», постепенно заменять татарских толмачей и письмоводителей русскими⁶. Однако каких-либо ощутимых результатов добиться не удалось. Даже казаки, многие из которых знали казахский язык, не могли заменить татар, потому что не умели писать, используя арабскую графику.

От сотрудничества к конфронтации

В середине XIX века, когда стало ясно, что прежних мер для интеграции казахского населения в империю недостаточно, эта конфессиональная и социокультурная политика в отношении казахов подверглась серьезной ревизии. В глазах имперских экспертов татары и ислам превратились в опасных политических и идеальных соперников. Главная угроза для империи виделась теперь в соединении национального и конфессионального самосознания восточных народов, в опасной конкуренции, которая могла исходить от наиболее продвинутых в культурном отношении поволжских татар. Современный российский исследователь П. П. Литвинов, развивая ленинское утверждение о России — «тюрьме народов», пишет даже о формировании особой «антитатарской политики царизма в Средней Азии и Казахстане». При этом татары представлены страдающей стороной, которая не была замечена в каких-либо проявлениях нелояльности к империи⁷.

Как представляется, ситуация была куда сложнее. Военное и политическое господство на той или иной окраине империи не означало автоматически установления экономического и культурного доминирования (как это чаще всего было в европейских, азиатских — и африканских — колониях). Российский имперский проект мог столкнуться с конкурирующими воздействиями разных конфессиональных, этнических и национальных групп, не говоря уже о местной эlite. «В некоторые периоды, — отмечает А. И. Миллер, — эти доминирующие

группы могли опираться на поддержку властей империи, но ситуация усложнялась по мере того, как империя усваивала элементы русской националистической политики⁸. Впрочем, даже поставив задачу «обрушения» той или иной окраины, империя была готова пойти на тактические уступки, оказывать поддержку «особой национальной идентичности некоторых групп, которые были мишенью альтернативных проектов ассимиляции и культурной экспансии, ради того, чтобы заблокировать усилия более мощных конкурентов»⁹. П. Верт также обратил внимание, что «во многих регионах вдали от центральных губерний России — на Средней Волге, Нижней Волге, отчасти на Украине, в Средней Азии, на Северном Кавказе и в Закавказье — историк наблюдает не просто господствующее русское население и угнетенное местное население, а три, четыре или даже больше этнических или конфессиональных групп, занимавших различные уровни социальной иерархии, но достаточно тесно взаимодействовавших друг с другом. Сами эти факты свидетельствуют о необходимости рассматривать “имперские отношения” как часть многогранной системы переплетающихся и взаимодействующих процессов»¹⁰.

Уже в первом своем всеподданнейшем отчете по управлению Оренбургским генерал-губернаторством с февраля 1865 по март 1866 года прибывший из только что пережившего польское восстание Западного края Н. А. Крыжановский выразил особое беспокойство конфессиональной ситуацией в регионе, призвал всеми мерами искоренять «корень зла» — разнообразие вероисповеданий и не допускать пропаганды ислама¹¹. Его пугало главным образом то, что с присоединением Средней Азии все пространство восточнее Казани компактно занято многомиллионным мусульманским населением, которое граничит со своими единоверцами за пределами Российской империи.

Тревожные тенденции обнаружились и в самом Поволжье, где крещеные татары начали переходить в ислам, а мусульманско-татарское влияние все более распространялось на чувашей, марийцев и удмуртов¹². Уже в 1858 году экстраординарный профессор Казанской духовной академии Н. И. Ильминский, один из главных идеологов нового курса в отношении мусульман, настойчиво указывал на угрозу татарского культурно-религиозного пробуждения¹³. Об опасности распространения мусульманского фанатизма, оказавшегося столь враждебным русской власти в Поволжье, на Кавказе и в Крыму, и среди казахов — через татарских и башкирских мулл, а также всех «среднеазиатцев» предупреждал известный востоковед,

начальник Оренбургского пограничного управления В. В. Григорьев. С деятельностью татарских и башкирских мулл он непосредственно связывал выступления казахов против российских властей. Особенно заметным татарское влияние на казахов было в северных районах Степи. Вот как описывал ситуацию в Букеевской орде этнограф и чиновник А. Н. Харузин¹⁴:

«...Действительно, татары, познакомившись с цивилизацией уже давно, во всех отношениях гораздо выше стоят киргизов. <...> При том татарин человек торговый — уже давно раскинул он в степных центрах... свои лавочки; уже давно мало-по-малу затягивает он киргиза в свои лапы. Татарин для киргиза авторитет; цивилизующийся киргиз сбрасывает свой киргизский (бухарский) халат и надевает татарский; цивилизованный киргиз, надев чистый халат идет вместе с татарином на вечернюю молитву в мечеть. И высшая мечта киргиза не обрустеть, а отатариться».

Вместе с тем казалось, что казахи, по словам того же Григорьева, в силу своего рода «природной незамутненности их духа» наиболее податливые для культурной работы, «при благоразумно направленной деятельности правительства поймут... всякую меру, на благо принятую, и очень легко могут сделаться полезными и преданными подданными России»¹⁵. С позиций эволюционизма ислам теперь представлял тупиковым направлением: ему было отказано в наличии цивилизующих начал, в идеологических обоснованиях имперских экспертов он уже определялся как сила, препятствовавшая интеграции казахов в империю.

Известную роль в этом политическом повороте сыграли не только Кавказская и Крымская войны, но и обострение «польского вопроса». Столкнувшись на западных окраинах с угрозами полонизации украинцев, белорусов, литовцев, германизации эстонцев и латышей¹⁶, империя обнаружила, что на восточных окраинах столь же опасным противником делу обрушения поволжских народов, башкир и казахов могут быть татары¹⁷. Мусульмане-татары были включены в число «уважаемых врагов» (выражение К. Мацузато)¹⁸ империи, а в ряду многочисленных имперских вопросов образовался «мусульманский вопрос»¹⁹. Все громче начали раздаваться голоса об ошибочности прежней политики игнорирования ислама и об угрозе «отатаривания» казахов.

На этом политическом фоне формируется подозрительное отношение к деятельности мусульманского духовенства, возникают опасения, что Оренбургский муфтият станет для российских мусульман

«исламским Римом». Сам институт муфтиятов с 1860-х годов начинают рассматривать как могучее орудие «для сплочения мусульман, известного их обособления, а также упрочения ислама и возвеличивания его в глазах проживающего совместно с мусульманами инородческого немусульманского населения»²⁰. Казань с середины XIX века стала средоточием как реформаторского движения в исламе, соединившегося с зарождающимся татарским национальным движением, так и центром антиисламского христианского миссионерства.

Вопрос об изменениях в имперской политике на азиатской степной окраине в начале 1860-х годов был вызван несколькими причинами. Во-первых, продвижением государственных границ на юг и восток и превращением казахской степи во «внутреннюю окраину». Во-вторых, буржуазными преобразованиями и намерениями реформаторов распространить эти преобразования на восточное население империи. В-третьих, новыми национальными приоритетами, которые, как тогда казалось, за счет «обрушения» народов и территорий имперской периферии обеспечат синтез имперского и национального, позволяют воплотить в жизнь идеал «единой и неделимой России». Все три причины покоились на одном основании — на убежденности в том, что следует постепенно устраниТЬ правовые и административные различия между внутренними губерниями и окраинами («административная русификация») за счет модернизации и стандартизации имперских управленческих институтов и практик. Степная политика не могла остаться в стороне от общего реформаторского курса 1860-х годов, который, глубоко затронув сферу управления и судоустройства, вел в целом к расширению контактной зоны взаимодействия русского и казахского социумов (главным образом за счет крестьянского переселения), к экономическому проникновению в регион российских предпринимателей, к модернизации школьной и конфессиональной политики. Империя меняла «правила игры» в Степи, переходила от сотрудничества с традиционной казахской аристократией к «демократическому империализму», к большей централизации и прямому администрированию.

«Татарско-мусульманский фанатизм»

Поворотным пунктом в имперской политике в отношении ислама в казахской степи стала деятельность Степной комиссии 1865–1868 годов. В числе прочих вопросов на комиссию была возложена

задача выяснения степени распространенности ислама у казахов, а также возможности их христианизации. Предшествующая политика заигрывания с мусульманством и использования татар как культурных посредников была признана ошибочной. Теперь предлагалось принять активные меры к охранению древних казахских верований, поскольку их можно будет заменить со временем христианством²¹:

«В религиозном отношении мы стали вразрез с магометанскими взглядами положения Сперанского. Мы укажем на необходимость действовать законною христианскою пропагандою и хотим запретить выписку чужеземных мулл, которые должны быть непременно из наших киргиз».

В конфессиональных вопросах Степная комиссия опиралась в значительной мере на экспертное мнение Ч. Ч. Валиханова. К мусульманской теме «этот лучший представитель далеких степей и киргизского народа», как его именуют члены комиссии, обратился в своей известной записке о судебной реформе²², написанной им для западносибирской администрации²³. Будучи уже смертельно больным (умер 10 апреля 1865 года), в конце 1863 или в начале 1864 года он надиктовал также не законченную им специальную записку «О мусульманстве в Степи». Его взгляды и записка стали известными и повлияли на выводы Степной комиссии, в трудах которой она цитируется с указанием на авторство Валиханова. Главным виновником утверждения ислама в Степи Валиханов считал М. М. Сперанского, которого даже называл «апостолом Магомета в Сибирской степи». Его беспокоило то, что мусульманские «книжники» преследуют народные обычаи — это грозит казахской народности утратой самобытности и превращением в общемусульманский тип. Он обрушивается с уничтожающей критикой на мусульманское духовенство, представленное в Степи преимущественно «полуграмотными муллами из татар и фанатичными выходцами из Средней Азии».

Получив европейское образование и оставаясь верным сыном своего народа, Валиханов видит возможность цивилизации для казахов только через сближение с русской культурой, в том числе и с православием. На преданность татарского духовенства рассчитывать не приходится. Это доказало поведение крымских татар во время войны с Турцией. Казанские татары столь же не расположены к России, как и крымские. Примечательно, что антимусульманская направленность критики Валиханова соединена с протестом против

татарской культурной экспансии. Ему кажется угрожающим татарское мусульманское влияние, за которым он не видит ничего, «кроме мертвой схоластики, способной только тормозить развитие мысли и чувств». Способ «обойти татарский период» (наподобие татаро-монгольского ига для Руси) он видел в развитии русских школ.

Основную задачу в борьбе с негативными последствиями мусульманизации казахов Степная комиссия формулировала в рамках попечительной и охранительной политики как ограждение их от татарского религиозного влияния, прежде всего за счет изъятия степных областей из ведения ОМДС и подчинения местных (казахских) мулл областному начальству. При этом особо указывалось на нежелательность сохранения указных мулл, которые приобрели некий официальный статус, а также на негативные последствия искусственного оформления мусульманской духовной иерархии, в которой оренбургский муфтий стал своего рода главой мусульманского духовенства²⁴.

«Татары, башкиры и среднеазиатцы, как доказал опыт, не могут быть полезными орудиями нашего правительства, и влияние их может развить в степном крае только фанатизм и отчуждение от русских. Киргиз, по самой своей более свежей и добродушной натуре никогда не может быть столь вреден на месте муллы, как татарин или бухарец».

Комиссия рекомендовала разрешить избрание мулл в Степи только из казахов и отменить экзамены на духовную должность. Основной акцент был сделан не на православное миссионерство, а на светскую школу: она должна была «парализовать влияние мулл с их татарским просвещением, ведущим по самому духу своему к порождению фанатизма, отчуждению от других народов и ненависти к христианам. Вопрос о народном учении в степи, — заключала Степная комиссия, — имеет, очевидно, важное и несомненное политическое значение»²⁵.

Преуменьшение степени исламизации казахов, стремление изъять этот народ из состава «мусульманского Востока» становятся своего рода стратегической установкой. Благо из нее естественно следовал вывод о возможности ассимиляции казахов в русскую культуру и их будущей христианизации²⁶. Однако угроза дальнейшей исламизации казахов, равно как и удержания татарами уже обретенной ими роли, препятствующей искомому «обрусению» кочевников, осознавалась как реальная вплоть до конца имперского периода. Уже

в 1880-х годах степной генерал-губернатор Г. А. Колпаковский так оценивал современную ему ситуацию в казахской степи²⁷:

«...Старые нравственные устои народной жизни расшатаны, а новых еще не создано, естественно, что народ ищет духовной опоры в религии и поэтому прислушивается к проповеди вероучения Магомета, распространяющейся купцами татарами и бухарцами».

У казахов, по его убеждению, благодаря их собственным нравственно-бытовым правилам, вытекавшим из родового строя народной жизни, сохранился своего рода иммунитет к исламу. Государство пока ограждает «религиозный индифферентизм» казахов от мусульманского учения, но оно насаждается тайными проповедниками из татар.

Весьма показательно, какую лексику члены комиссии используют для обоснования необходимости пересмотреть прежнюю политику и какие обвинения они адресуют исламу в целом: отличается «изуверством, фанатизмом и отчуждением от цивилизованных народов». «Фанатизм» и производные от него определения — лейтмотив в заключении комиссии: с одной стороны, «фанатическое настроение» мусульман, «фанатический до изуверства» исламизм у башкир и татар, грозящие «заразить» казахов «духом нетерпимости и фанатизма»; с другой, обнадеживающий «нефанатический характер» казахов и их «равнодушие» к исламу. «Нечивилизованность» и «дикость» казахов в российском ориенталистском дискурсе наделяются теперь явно позитивным смыслом. Башкиры, у которых степень мусульманизации и татаризации была заметно выше, чем у казахов, представляются имперским властям нетрудолюбивыми, невежественными, равнодушными к собственному благосостоянию, необщительными с русскими и недоброжелательными к империи. Описания же казахов изобилуют более благожелательными характеристиками, по уровню умственного и экономического состояния казахи определенно ставятся выше башкир²⁸.

«В массе этого населения незаметно недостатка трудолюбия и к улучшению своего благосостояния и вообще можно сказать с уверенностью, что киргизы народ способный к труду, более или менее промышленный и имеющий в себе много задатков для лучшего будущего; но задатки эти еще весьма слабы...»

Поэтому нужно спешить²⁹:

«В противном случае киргизы настолько усвоят себе фанатический дух и понятия магометанской религии, что для возвращения среди них гражданственности и для проведения разного рода правительственные мер к устройству этого народа потребуется новая борьба с такими же затруднениями, какие уже испытаны были при устройстве башкир и других подведомственных России магометан».

Увы, примитивный кочевой быт, природная любознательность и даровитость казахов делают их, по словам имперских наблюдателей, особенно восприимчивыми к пропаганде «фанатиков» — башкирских и татарских мулл, успешно распространяющих в Степи татарскую грамотность и ислам. «Дети природы» с любопытством готовы «как бы ни учиться, лишь бы учиться», но реформа 1868 года возбудила среди них «оживленные толки, умы разгорячились», казахи «стали неприязненно смотреть на русских и все русское», и «в отпор русскому значению и влиянию, равномерно должно было усилиться противоположное влияние, татарско-магометанское»³⁰.

В таком контексте татарские школы предстают на страницах российской публицистики и в официальных документах непременно как примитивные, плохо устроенные, грязные, а татарские педагоги изображаются сплошь невежественными и склонными к рукоприкладству. Способы обучения ими казахских детей Корану в наполненных ориенталистскими коннотациями описаниях имперских экспертов обретают прямо-таки физиологическую образность и одновременно — символическое значение. Вот, например, рассказ русского торговца в степи в изложении Ильминского³¹:

«Кроме обычных побоев и криков, этот татарин придумал оригинальный способ внушить киргизятам арабский алфавит со всеми тонкостями арабской фонетики, неудобоисполнимой для киргизского органа: своею рукою, обернутою в грязный рукав его рубахи, он забирал язык несчастного ребенка и порывисто мял и корчил его, чтобы уломать киргизский язык и приспособить к выполнению арабских звуков».

Именно в 1860–1870-е годы произошел поворот от политики веротерпимости (и даже покровительства) к ограничению мусульманского влияния на казахское население. В имперский дискурс, помимо цивилизаторских мотивов и христианской миссии, активно вторгаются националистические императивы. Толерантная лексика в отношении ислама сменяется агрессивными обвинениями мусульман в фанатизме, в невозможности мирного существования двух

религий. Нагнетается антиисламская фобия, империя начинает позиционировать себя в качестве защитника народов, подвергающихся экономической и культурной экспансии татар.

Таким образом, если говорить о составляющих понимания «мусульманского вопроса» в казахской степи, то, помимо конфессиональной составляющей, мы увидим, во-первых, опасение, что империя проигрывает культурную борьбу на своей восточной окраине, во-вторых, убежденность в том, что политика обрушения казахов столкнулась, наряду с традиционной мусульманской угрозой из Центральной Азии, с татарским национально-религиозным проектом. Более того, раздаются голоса об угрозе самому русскому народу, который также подвергается «отатариванию», «объякучиванию», «обурячиванию» и т. п.³² Опасались даже за казачье население, за этот, казалось бы, надежный форпост империи, призванный выполнять цивилизующую и русифицирующую миссии, поскольку в его идентичности и культуре обнаруживали пугающие азиатские черты³³. Имперская риторика смеялась в сторону доказательств слабой мусульманизации казахов, их исторического неприятия татар, готовности в силу природных задатков и культурной отсталости приобщиться к русской культуре.

Школа, язык и алфавит

Язык и школа всегда играли в имперской политике важную роль, и эта роль нарастала, постепенно отодвигая на второй план или даже в отдаленную перспективу миссионерскую христианскую деятельность. При этом политическая лояльность и конфессиональная толерантность как скрепляющие конструкции Российской империи дополнялись (или сменялись) новыми идентичностями, в которых проблема языка приобретала особую актуальность. В первой половине XIX века в возможности татар влиять на казахов российские власти еще не усматривали большой опасности. В свою очередь, казахи понимали, что знающий «татарский» язык и письменность мог добиться многого: занять должность аульного старшины или помощника волостного письмоводителя, стать толмачом. С середины XIX века положение меняется, изучение русского языка казахами формулируется как важная государственная задача. Попытки осуществить перевод местных языков на кириллическую основу имели место не только в Западном крае, где они носили наиболее ярко

выраженный политический характер, но и в Поволжье, в Сибири, казахской степи и в Средней Азии³⁴.

Национализация имперской политики и расширение круга социокультурных задач вызвали новых деятелей — ученых-востоковедов и учителей. Они заметно потеснили дипломатов и военных, бывших до того главными идеологами и практиками в казахской степи. Наиболее влиятельными теоретиками, во многом определившими языковую политику в отношении казахов, стали видные российские ученые-востоковеды В. В. Вельяминов-Зернов, В. В. Григорьев, В. В. Радлов, Н. И. Ильминский. А также их сподвижники и ученики: И. Алтынсарин, Н. П. Остроумов, А. В. Васильев, А. Е. Александров и др. Биограф В. В. Григорьева Н. И. Веселовский ставил ему в особую заслугу введение в официальное употребление казахский язык, так как до него «администрация наша в Оренбургском краю и не подозревала, что у киргизов есть свой язык. Мы поверили чиновникам из татар, что киргизы говорят совершенно по-татарски, и всю переписку с ордынцами вели по-татарски»³⁵. Ключевой фигурой в этой новой языковой политике стал казанский профессор-востоковед Ильминский, который, как и Григорьев, настойчиво указывал властям на угрозу татарского культурно-религиозного пробуждения³⁶.

В правящих кругах наиболее яростными сторонниками борьбы с татарским влиянием на казахов и защиты казахского языка и письменности на кириллической основе стали министр народного просвещения Д. А. Толстой, оренбургский генерал-губернатор Н. А. Крыжановский и туркестанский генерал-губернатор К. П. Кауфман. Показательно, что двое последних получили назначение на генерал-губернаторские должности после службы в Западном крае, где они, несомненно, уяснили важность языкового вопроса и приобрели определенный опыт встраивания разных языков в имперский контекст.

Крыжановский неоднократно указывал на вредное с его точки зрения влияние татар на казахов иставил вопрос о необходимости распространения русского языка. В письме к министру внутренних дел П. А. Валуеву от 31 января 1867 года он предлагал запретить татарам и башкирам занимать в казахской степи должности письмоводителей и принимать для обучения казахских детей, в приказном порядке ввести преподавание русского языка в мусульманских школах, чтобы казахи — выпускники таких школ в будущем заняли выборные должности в казахском общественном управлении.

После поездки Д. А. Толстого в 1876 году в Оренбург министр народного просвещения развернул перед императором программу

борьбы с татарско-мусульманским влиянием в казахской степи³⁷. Мусульманские народы на востоке империи он поделил на три группы в зависимости от «большего или меньшего религиозного фанатизма». На первом месте у него оказались татары, более других чуждающиеся русского образования. На втором — башкиры, поскольку они уже подверглись значительной мусульманизации и татаризации; в отношении них цель правительства должна состоять в том, чтобы они сохраняли «свой тип» и не превратились в татар. А на третьем — казахи: среди них уже началось «отатаривание», и повинны в этом «фанатические шакирды» — ученики татарских медресе, поселяющиеся в казахской степи под видом торговцев; татарские учителя, которых нанимают для своих детей богатые казахи; обучавшиеся в татарских мусульманских школах казахи, возвращающиеся в степь «ярыми магометанскими пропагандистами»; сама имперская администрация, которая «усилиенно распространяла арабский алфавит, издавая для киргиз постановления на татарском языке». «Большая часть переводчиков в степи и теперь еще из татар, и татарский язык в настоящее время единственное средство сообщения между правительственными органами и киргизским народом, что нельзя не признать важную административною ошибкою»³⁸.

Министр неоднократно заявлял, что надо решительно бороться против «отатаривания и омагометанивания киргиз», не допустить их слияния с татарами, как это произошло в значительной степени с башкирами. Оградив казахов от «татаризации», нужно принять все меры к их образованию. Примечательно, что Толстой рассуждает в рамках того нового казахского дискурса, который сформировался уже в 1860-х годах и нацеливал на отделение казахов от других мусульманских народов³⁹:

«Народ этот способный, смышленый, трудолюбивый и вполне склонный к просвещению <...> русских вовсе не чуждаются, как татары, напротив того, ищут русской образованности и как бы тем самым указывают на высокую просветительскую задачу, которая выпала на долю правительства между их дикими согламенниками».

В случае с казахами, по его мнению, задача облегчается тем, что они не имеют своей письменности и даже алфавита.

Для обсуждения данного вопроса в Оренбурге Толстой специально пригласил из Казани Ильминского и тут же поручил ему вместе с «ученым татарином», состоявшим при генерал-губернаторе, напи-

сать русскими буквами какую-нибудь статью на киргизском наречии. Решено было призвать несколько гимназистов из казахов, заставить их эту статью прочесть, и, если будет им все понятно, значит, можно передать русским алфавитом казахскую речь⁴⁰. Эксперимент удался, и кириллица официально вошла в набор инструментов имперского культурного доминирования.

Со слов принимавших его оренбургских чиновников Толстой также усвоил, что казахи не фанатичные мусульмане, знание ими ислама весьма поверхностное, что они ненавидят татарских мулл, от которых и исходит главная опасность. Запрет на избрание татар муллами в Степи ничего не изменил, так как и казахские муллы обучаются в татарских медресе, откуда выходят ярыми пропагандистами ислама. Способ улучшить ситуацию в крае — заменить татарский язык казахским (а где возможно — русским), арабский алфавит — кириллицей, татарских письмоводителей — русскими или казахами. Тогда появится возможность остановить мусульманскую пропаганду и «отатаривание» казахов. В официальной пропаганде, направленной на казахское население, следует акцентировать внимание на эксплуататорском характере деятельности татарских торговцев, которые, прикрываясь религиозными мотивами, хотят только нажиться за счет казахов.

Со своей стороны, Ильминский, общаясь с татарами, башкирами, а затем и казахами, «обнаружил» у них чистый природный язык, который можно было бы противопоставить мусульманской грамотности. Поэтому он призывал преодолеть несправедливый взгляд на казахский язык как на «какой-нибудь безобразный жargon татарского языка»⁴¹. Если же допустить инородческие языки в преподавание в начальной школе, то, по мнению Ильминского, хотя бы этим и поддержались мелкие народности, они не смогут прочно существовать и в конце-концов сольются с русским народом самим историческим ходом жизни. Родной язык, используемый в преподавании и богослужении, позволит инородцу полюбить школу, «а через нее и русский язык, русскую народность, русскую образованность», заменить татарско-русское направление казахско-русским.

Ильминский вспоминал, что «арабско-татарский» алфавит он разлюбил именно в период трехлетней оренбургской службы, когда заметил его несоответствие казахской фонетике. На первых порах он не придавал большого значения алфавиту и принял русскую азбуку только потому, что крещеные татары практически не знали арабской буквенной графики. И лишь позднее он осознал, что алфа-

вит поможет провести культурную границу между казахами и другими мусульманскими народами⁴². Ильминский вполне понимал сакральное значение арабского письма для мусульман как и то, что сакральность алфавита тоже могла послужить скрепой единения. Кириллица же способна нарушить это единство; правда, без православия она не приведет к слиянию инородцев с русскими, но хотя бы создаст к этому предпосылки⁴³.

«Поэтому в киргизских школах нужно преподавать сведения и идеи русские и общечеловеческие, а не магометанские, и притом на языке киргизском, а не татарском; татарского языка вовсе и не следует преподавать киргизам. <...> Для наибольшего отдаления киргизов от татарского языка не нужна и татарская грамота, а непременно русская».

Так язык и алфавит становились частью более грандиозного проекта «обрусения», планы русификации сливались с еще более масштабными модернизационными замыслами, поскольку надеялись, что русификация обеспечит осознанное восприятие и одобрение действий русской стороны самими казахами.

Возглавить такие школы и написать для них учебники, по мнению Ильминского, могли только природные казахи, искренне сочувствующие «русскому образованию». Его взор падает на одного из учеников — на Ибрая (Ибрагима, Ивана Даниловича) Алтынсарина⁴⁴, который и будет призван применить методы Казанской крещено-татарской школы в казахской степи. Именно ему принадлежит заслуга разработки и внедрения казахской письменности на кириллической основе. Впрочем, Алтынсарин в видах устронения татар из преподавателей основ ислама составил особый учебник на казахском языке, но с арабским алфавитом. Издание такого учебника в русском алфавите посчитали «пока неудобным и несвоевременным»: дескать, не будет он принят казахами и останется только в школьной библиотеке.

Занявший после смерти Алтынсарина должность инспектора школ Тургайской области А. В. Васильев продолжил эту деятельность, отстаивая самобытность казахского языка и призывая защитить его от татаризации. «Пользуясь научными данными, заявлял он, мы обязаны прийти на помощь киргизам и, хотя бы даже в видах сохранения национальных их особенностей, указать средства и к сохранению фонетических особенностей языка их, нарушающих прежде всего неправильной и бессознательно принятой киргизами

арабской транскрипцией»⁴⁵. Лингвисты, сторонники русского алфавита, стремились доказать существенное отличие казахского языка от татарского и подавить тенденцию к тюркскому языковому сближению.

В конце 1870-х годов образовательная стратегия и тактика по вытеснению татарской письменности и замене ее казахской, а затем и русской рисовались местным администраторам следующим образом⁴⁶:

«Татарские учителя в киргизских аулах, по большей части, люди бедные, малограмотные, малоразвитые, не способны проводить в степи какую-либо пропаганду; но они вредны для киргиз тем, что распространяют между ними татарскую грамотность, что вовсе не может быть в видах Правительства. Киргизский язык, хотя происходит и от одного корня с татарским, но значительно отличается от него как в произношении, так и в оборотах речи. Своей письменности язык не имеет, между тем с развитием цивилизации киргизы встречают настоятельную надобность в письменном изложении своих мыслей. Здесь явились с своими услугами татарские учителя и привили к киргизскому языку татарскую письменность. Между тем, в видах обрушения киргиз, необходимо усвоенную ими татарскую письменность заменить русскою. Это дело нелегкое. Многие киргизы уже ознакомлены с татарским алфавитом и, со введением в их язык русской азбуки, все они окажутся неграмотными. Понятно, что они будут продолжать переписываться между собою по-татарски и учить своих детей татарской грамоте. Поэтому замена татарского алфавита русским должна быть производима последовательно, но настойчиво в течение многих лет. В настоящее время начало этому уже положено. В киргизских интернатах дети обучаются только русскому (разговорному и письменному) языку, а татарскому не обучаются. В последний год обучения в интернате можно будет приучить детей к письменному изложению своих мыслей по-киргизски русскими буквами. Это будут желаемые и полезные учителя и учительницы для аульных школ. Когда этих лиц наберется в степи достаточное число, то можно будет совсем вывести из аульных школ обучение татарской письменности. До этого же времени эту письменность придется терпеть».

В целях ускорения процесса предлагалось выслать из волостей всех учителей-татар и заменить их грамотными казахами. С конца XIX века был взят курс на открытие сети русско-казахских волостных и аульных школ, призванных потеснить «негодные вообще и вредные с русской точки зрения» мектебы и медресе. Татарский язык и арабская транскрипция активно вытеснялись и из самого образо-

вательного процесса. В аульной школе обучение велось в течение трех лет, преподавание осуществлялось на казахском языке казахскими учителями или русскими, знающими казахский язык. Но изучение русского языка объявлялось главным делом, соответственно девизом таких школ, по мнению местной администрации, должно было стать правило: «В школе говорить только по-русски!».

С 1860-х годов империя активно внедряет русский язык в официальное делопроизводство, заменяя татарских письмоводителей и переводчиков российскими чиновниками или казахами, знающими русский язык. Предпринимаются попытки потребовать от всех выборных должностных лиц казахского самоуправления и суда знания русского языка. Во всех случаях, когда приходилось объявлять казахам правительственные распоряжения на казахском языке, старались теперь употреблять русский алфавит. Однако позиции татарского языка в делопроизводстве оставались довольно прочными. Когда Оренбургский край покинули Ильминский и Григорьев, «опять настало царство татарства в степи». В этом усматривали инстинктивное стремление татар сохранить свое влияние и недальновидность русской администрации⁴⁷. Сложившаяся традиция была настолько сильна, что даже «Положение об управлении степными областями» 1868 года было переведено для казахов не на их язык, а на татарский. В самом «Положении» Ильминский обнаружил «лингвистические воззрения татарские, а не чисто русские»⁴⁸. Впрочем, казахский язык с русским алфавитом рассматривался лишь в качестве переходной формы. В отношении «татарско-арабской» письменности в сфере делопроизводства и образования власти прибегли к тактике медленного вытеснения, осторожно используя не только административный ресурс, но и способствуя усилиению мотивации к переходу сначала на казахскую письменность с кириллицей, а затем уже собственно к русскому языку.

К концу 1870-х — началу 1880-х годов сфера применения русского языка в официальном делопроизводстве заметно расширилась. Всеми мерами власти старались проводить в волостные старшины, писари и муллы воспитанников русско-казахских школ. Но и муллы-казахи казались в этом языковом противостоянии недостаточно лояльными⁴⁹:

«Относясь с глубоким презрением к языкам, не имеющим своей письменности, а также желая щегольнуть ученостью и вообще придать себе больше значения, [они] нередко примешивают к своему природному киргиз-

скому языку слова арабские, татарские и персидские, что особенно часто практикуется ими на письме, причем татарские слова, по количеству их применения, играют первенствующую роль».

Еще одним направлением языковой политики должно было стать насаждение русского языка через традиционную мусульманскую школу. Реализовать этот замысел было непросто: требовалось время для подготовки необходимых кадров, а самое главное, вполне резонно было ожидать недовольства местного населения. И действительно, акмолинский военный губернатор В. С. Цитович доносил в 1877 году, что требования к муллам и ахунам преподавать русский язык не дают значительного эффекта, а петропавловские татары говорят о депутации к царю, дабы отстоять право не учиться русской грамоте, так как это колеблет их религиозные убеждения⁵⁰. Начальство не оставляло надежд убедить казахов в том, что их вере ничто не угрожает и что они должны смириться с введением русского языка. Однако попытки обучения русскому языку в мечетных школах столкнулись и с явным, и со скрытым саботажем, преподавание в них и в начале XX века велось на татарском и арабском языках, а русский язык не преподавали, несмотря на все настояния властей⁵¹.

В целях ускорения процесса предлагалось выслать из волостей всех учителей татар и заменить их грамотными киргизами. Такие предложения носили явно репрессивный характер, на них не наставили ни Ильминский, ни его сподвижники. Глава Алтайской духовной миссии епископ Макарий даже упрекнул Ильминского в своем письме, написанном в 1890 году, в излишней уступчивости⁵²: «Мне кажется, что Вы слишком напуганы казанскими татарами и слишком твердо хотите держаться тактики осторожности в отношении к киргизам и вообще к сибирским инородцам».

Казахское население обращалось с просьбами ввести преподавание арабской грамоты в средних учебных заведениях и народных русско-казахских школах. Эти просьбы мотивировались тем, что «в степи знающих арабский язык десятки тысяч, написаны на нем священные книги, пишут на нем во всей Средней Азии (с которой — торговля), на этом алфавите идет переписка с татарами и башкирами». Местные власти готовы были удовлетворить эти просьбы. Считалось, что само по себе изучение арабского языка безвредно, нужно только позаботиться, чтобы оно «не служило средством к достижению антиправительственных целей, орудием фанатизма»⁵³. Арабский же алфавит стоит употреблять лишь для преподавания основ

ислама, это потребует обучения арабской грамоте в русско-казахских школах, школы эти, таким образом, станут привлекательнее, чем медресе. Это повлечет за собой сокращение числа последних, постепенно появятся сторонники перехода на русский алфавит и замены им арабского. Впрочем, Ильминский решительно возражал против внедрения казахского (да и русского) языка в мусульманскую школу, так как видел в этом лишь способ расширения влияния ислама. Поэтому, в частности, он так агрессивно был настроен против новометодных школ. «Если школы мулл могут и будут продолжаться, — писал он еще в 1870 году, — пусть лучше уже они учат татарской грамоте и мучают детей арабской фонетикой; это будет, по крайней мере, не так решительно распространять магометанство, как на родном, столь сильном языке <...> Отсюда видно, что и киргизский язык, в замену татарского, есть орудие обоюдоостре, при нем быть может еще зорче нужно будет смотреть за направлением мыслей и образования киргизов»⁵⁴.

Империя декларировала, что нужно помочь казахам защитить их язык от заимствования татарских и турецких слов, так что проблема перевода имела не только лингвистическое значение. Стараниями все того же Ильминского в Казани была создана переводческая комиссия. Однако ее деятельность не имела большого успеха, так как сфера применения переведенных на казахский язык христианских книг оставалась ограниченной вследствие того, что в русско-казахских школах и инородческих учительских семинариях продолжалось преподавание мусульманского вероучения. Такие книги могли лишь раздаваться грамотным казахам для чтения дома, да и то «потихоньку от мулл». Ильминский настаивал, чтобы переводы на казахский язык печатались именно в Казани, где способны «отличить магометанскую примесь». В его рекомендациях к переводам особо обращалось внимание на то, чтобы не допускать «ни магометанских искажений христианских имен, ни арабских присловий» — и так уже многие арабские слова вошли в казахский язык⁵⁵. Он просил присыпать казахские переводы к нему, чтобы лично вычищать из них татаризмы.

Помимо учебных и духовных книг и официального делопроизводства еще одним важным модернизирующим каналом воздействия на казахов должна была стать газета на казахском языке, но с русской транскрипцией. В 1860 году в Оренбурге был выпущен первый номер «Киргизской газеты», но этим тогда дело и ограничилось, так как было сочтено преждевременным. В 1879 году генерал-губернатор Н. А. Крыжановский поддержал идею издания газеты «на кир-

гизском наречии русским алфавитом». Но только в 1891 году в «Тургайских областных ведомостях» стали помещать объявления на казахском языке при помощи русского алфавита. Вместе с тем Ильминский обрушился с резкой критикой на «Киргизскую степную газету» — особое приложение к «Акмолинским областным ведомостям», издававшееся в Омске с 1894 года, поскольку оно печаталось на казахском языке, но с арабско-татарской транскрипцией.

Поиск скрытых вредоносных тенденций в «Киргизской степной газете» продолжил А. В. Васильев, известный своими публикациями, направленными на разжигание межнациональной розни между казахами и татарами. На борьбу с татарским влиянием он постарался мобилизовать и казахский фольклор, предпослав в качестве эпиграфа своему сочинению на татарскую тему казахскую пословицу *«Татар жерже хатер бар»* («Где татары — там опасность»). Татары-торговцы среди кочевого казахского населения, разумеется, могли вызывать негативное восприятие; как пишет Васильев, «горький опыт научил киргиза, что татарин, прикрываясь всегда религиозными мотивами, преследует, в сущности, корыстные цели — нажиться поскорее за счет киргизов, во что бы то ни стало»⁵⁶. Упоминает он и произведения казахских акынов, обвинявших татар в стремлении принизить культуру казахов, обобрать их в голодные годы. Вообще доказательства Васильева довольно разнообразны. Тут и строки из казахской песни «Горе киргиза»; и сомнительная по своему происхождению, оскорбительная по сути история происхождения казахского народа, приписываемая татарскому автору; и бросаемые казахам тем же автором упреки в незнании и несоблюдении норм ислама, в дикости обычаяев (баранта, грязь в жилищах, неразборчивость в пище и т. п.); и возражения на эти оценки и обвинения со стороны казахов. Последние должны были особо подчеркнуть, что отношение казахского населения к татарам далеко от дружелюбного: «Слово «татарин» приводит в ужас киргизский народ, так как татары безжалостны и не знают добра»⁵⁷. Васильев усмотрел злостный политический умысел даже в том, что в казахской газете переводят слово «генерал-губернаторство» на турецкий манер как «вилайет», и с гневом спрашивал, как можно российского генерал-губернатора называть «визирем какого-то вилайета». И в словах «медресе» и «шакирд», соответствующих «школе» и «ученику», Васильев усмотрел особый смысл — «специально мусульманский»⁵⁸. Помимо всего, он рекомендовал приставить к инородцу-переводчику в качестве руководителя «русского человека».

Еще одну опасность Васильев видел в распространении в степи книг, специально издаваемых татарами для казахов; с их помощью, по его мнению, велась скрытая пропаганда ислама и татаризма⁵⁹:

«Чтобы возбудить в них больший интерес, татары пользуются в этом случае готовыми произведениями устного народного киргизского творчества. Последние переделываются татарами самым бесцеремонным образом, уснащаются религиозными терминами и религиозно-нравственными наставлениями в мусульманском духе, причем чистота речи киргизской намеренно искажается заменою и вставками слов татарских, арабских и персидских. Назначение татарских книг подобной фабрикации очевидно: это — ознакомление киргизов с исламом и возбуждение в них подражания образцам татарско-мусульманской жизни!...».

Пусть лучше казахи читают хорошие книги о казахском народе на казахском языке; Васильев приводил список таких благонамеренных книг.

Заключение

В этой статье нам было важно не только понять причины поворота в отношении к татарам в казахской степи, но и выявить, кто стоял у истоков нового политического курса, каковы были мотивы этих людей, какую аргументацию использовала империя и какой инструментарий стремилась мобилизовать в деле «обрусения» казахов. Новым имперским деятелям, игравшим ключевую роль в культурной политике на Русском Востоке, были присущи высокий професионализм, они были вовлечены в научную деятельность, владели экспертным знанием на уровне своего времени. Они отличались общественной активностью и могли влиять на власть хотя бы потому, что занимали видные бюрократические посты в системе образования. Выдвигая и решая задачи реформирования языка и алфавита, развития школьного светского образования, они тем самым, как им казалось, исполняли высокую культуртрегерскую миссию, основанную на просветительских идеалах. Ислам же, как и представлявшуюся неразрывно с ним соединенной арабско-татарскую письменность, они считали серьезным препятствием на пути к реализации этой миссии. В вопросе о казахском языке и алфавите удивительным образом сходились люди, стоявшие на самых разных политических позициях. И объединяла их все та же убежденность в своей миссии.

В спорах тех лет отчетливо слышны аргументы русской стороны. К сожалению, почти не звучат голоса татар, по крайней мере, во второй половине XIX века. Зато голос казахской стороны, поначалу не слишком различимый, со временем раздается все громче.

Теории эволюционизма и культурного прогресса, а также патерналистская идея защиты казахов от «чуждого» им реакционного влияния ислама и татарской культуры придавали русификаторским действиям имперских активистов привлекательную народническую окраску заботы о благе казахов, о спасении их народной самобытности. Это создавало основу для сотрудничества с частью новых казахских интеллектуалов, которые в силу обостренного переживания ими социально-экономической отсталости своего народа могли нередко оправдывать русификаторские действия властей. Не только тактической, но и стратегической целью этих действий было двуязычие — с последующим доминированием русского языка как языка государственного, имеющего более высокий социальный статус, обеспечивающего межцивилизационную коммуникацию в регионе. На деле это означало, помимо вытеснения конкурирующего татарского языка и письменности, фактическое ограничение функций казахского языка хозяйственной и семейно-бытовой сферой. Так и своей культуртрегерской миссией, и административными практиками имперские активисты вступали в противоречие с собственными народническими идеалами и с научной увлеченностью казахской культурой: они, может быть и неосознанно, маргинализировали ее, превращали всего лишь в объект интереса этнографов.

Воспитанные в двух культурах — в традиционной народной и в модернизированной русской, — выходцы из казахской среды признавали приоритет второй, открываемые ею цивилизационные горизонты, и потому могли, как это делал Чокан Валиханов, оценивать татарско-мусульманское влияние как сугубо отрицательное, как препятствие для естественной социокультурной эволюции своего народа. Поддержка казахского языка, пусть с использованием кириллицы, внедрение в сознание казахов новых стандартов образа жизни не могли на определенном этапе не импонировать им.

Однако в начале XX века в глазах новой казахской интеллигенции мероприятия властей, прежде всего крестьянская колонизация, стали приобретать ярко выраженный негативный оттенок, а татарская культурная угроза заместилась угрозой русификации. Следствием стали поиски новых основ казахской идентичности (в том числе и посредством возврата, как это предлагал Байтурсынов,

к арабской транскрипции языка), стремление к мусульманскому и тюркскому единству в борьбе против самодержавного режима. Гонимые татары начинают пользоваться растущей симпатией у молодой казахской интеллигенции, сохраняя при этом авторитет среди традиционного казахского мусульманского духовенства⁶⁰. Впрочем, тот же Байтурсынов видел угрозу казахской нации не только в казахах — выпускниках русских школ, увлекшихся русским языком, но и в казахах — учениках татарских медресе, предпочитающих писать и читать по-татарски⁶¹. Очевидно, казахской интеллигенции, озабоченной поисками национальной идентичности, не был чужд экзистенциальный страх перед опасностью раствориться в русском или татарско-мусульманском социуме.

Вопросы социокультурного влияния татар, языка и алфавита для казахов оказались включенными в широкий имперский контекст. В этот контекст входили и проблемы вероисповедания, школьного образования, книгоиздания и газетной деятельности, и все это, вместе взятое, подталкивало к национализации прежних политических и социокультурных дискурсов. Как это нередко бывало и в других регионах империи, культурная политика в казахской степи несводима к взаимодействию всего лишь двух акторов, к противостоянию царизма и «страдающего» от него казахского населения⁶². Казахский *case* дает хороший материал и для анализа конкретной исторической ситуации, и для сравнительных исследований в области национальной политики империи в целом, а также для выявления ее региональной специфики.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Как отмечает А. Каппелер, идеология Просвещения позволяла признать равными европейцам только оседлых мусульман, кочевники считались отсталыми, стоящими на более низкой ступени развития народами, их надо было цивилизовать. См.: Каппелер А. Две традиции в отношениях России к мусульманским народам Российской империи // Отечественная история, 2003. № 2. С. 132.

² Арапов Д. Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII — начало XX вв.). М., 2004. С. 44–53.

³ Нередко под татарами (половецкими и сибирскими) понимали и башкир. См.: Франк А. Татарские муллы среди казахов и киргизов в XVIII—XIX веках // Культура, искусство татарского народа: истоки, традиции, взаимосвязи. Казань, 1993. С. 124–131; Султангалиева А. К. Ислам в Казахстане: история, этничность и общество. Алматы, 1998; Косач Г. Г. Город на стыке двух континентов: оренбургское татарское меньшинство и государство. М., 1998; Султангалиева Г. «Татарская» диаспора в конфессио-

нальных связях казахской степи (XVIII–XIX вв.) // Вестник Евразии, 2000. № 4 (11); *Джандосова З. А.* Казахстан // Ислам на территории бывшей Российской империи. М., 2001. Вып. 3. С. 48–49; *Речкина И.* Мусульманская политика российских властей в казахской степи (конец XVIII — 60-е годы XIX века) // Вестник Омского университета, 2006. № 2. О татарской диаспоре в казахской степи см. также: История Казахстана: народы и культуры. Алматы, 2001. С. 232–236. Автор соответствующего раздела И. В. Ерофеева упоминает о теории «мобильных диаспор», но роль татар в исламизации казахов оказалась за пределами изложенного ею материала.

⁴ Омский областной начальник С. Б. Броневский докладывал в этой связи П. М. Капцевичу: «Отправление обрядов присяги, принимаемой киргизами, всегда производилось через муллу. При окружных приказах в настоящее время еще более он делается необходимым. Примеры доказывают, что там, где гражданская власть не может простираться, духовная скорее приводит в послушание — простыми увещеваниями. Хотя киргиз-кайсаки и не есть вообще магометане, но учение служителей сего закона приемлемся и уважается у них, в чем и удостовериваются многие случаи по управлению существующему». См.: С. Б. Броневский — П. М. Капцевичу, 4 ноября 1824 г. // Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф. 338. Оп. 1. Д. 396. Л. 9.

⁵ См.: *Каппелер А.* Россия — многонациональная империя. М., 1997. С. 103, 105.

⁶ ЦГА РК. Ф. 338. Оп. 1. Д. 396. Л. 86–87.

⁷ *Литвинов П. П.* Антитатарская политика царизма в Средней Азии и Казахстане // Материалы по истории татарского народа. Казань, 1995. С. 367–387.

⁸ *Миллер А. И.* Империя Романовых и национализм. Эссе по методологии исторического исследования. М., 2006. С. 60.

⁹ Там же. С. 66–67.

¹⁰ *Верт П.* От «сопротивления» к «подрывной деятельности»: власть империи, противостояние местного населения и их взаимозависимость // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет. М., 2005. С. 63.

¹¹ Извлечение из отчета Н. А. Крыжановского по управлению Оренбургским краем с февраля 1865 до марта 1866 года // *Дякин В. С.* Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX — начало XX вв.). СПб., 1998. С. 809. Современники в спорах о применении кириллицы к казахскому языку будут неоднократно вспоминать об опыте Крыжановского в использовании литовского языка в борьбе с польским влиянием.

¹² Подробнее о ситуации в Поволжье и ее влиянии на соседние восточные регионы см.: *Geraci R. P.* Window on the East. National and Imperial Identities in Late Tsarist Russia. Ithaca and London, Cornell University Press. 2001.

¹³ *Нисияма К.* Принятие ислама крещеными татарами и православная церковь: этнокультурное противостояние на Среднем Поволжье в середине XIX в. // Новая волна в изучении этнополитической истории Волго-Уральского региона. Sapporo, 2003. С. 200–224.

¹⁴ *Харузин А. Н.* Степные очерки (Киргизская Букеевская орда). Страницы из записной книжки. М., 1888. С. 96.

¹⁵ *Беседовский Н. И.* Василий Васильевич Григорьев по его письмам и трудам. 1816–1881. СПб., 1887. С. 215.

¹⁶ Об изменениях в конфессиональной политике империи в Северо-Западном крае и в Прибалтике см., например: *Камзолова А. А.* Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М., 2005; *Гаврилин А. В.* Рижская епархия и политика правительства в Прибалтийских губерниях в 60-90-х годах XIX века //

Россия и Балтия: Остзейские губернии и Северо-Западный край в политике реформ Российской империи. 2-я половина XVIII–XX в. М., 2004.

¹⁷ О сложности понятий «обрушить» и «обрушеть» см.: *Миллер А. Русификации: классифицировать и понять // Ab Imperio*, 2002. № 2. С. 133–148. См. также: *Васильев Д. В. О политике царского правительства в Русском Туркестане (К вопросу о «руссификации») // Сборник Русского исторического общества*. М., 2002. Т. 5 (153). С. 58–70.

¹⁸ *Мацузато К. Генерал-губернаторства в Российской империи: от этнического к пространственному подходу // Новая имперская история постсоветского пространства*. Казань, 2004. С. 450–451.

¹⁹ *Воробьева Е. И. Власть и мусульманское духовенство в Российской империи (вторая половина XIX в. — 1917 г.) // Исторический ежегодник*. Омск, 1998. С. 40–55; *Кэмпбелл (Воробьева) Е. И. Мусульманский вопрос в России: история обсуждения и проблемы // Исторические записки*. М., 2001. Т. 4 (122). С. 132–157.

²⁰ «Трудностей разрешения мусульманского вопроса не отрицают и сами мусульмане» (Материалы Министерства внутренних дел России. 1916 г. / Публ. Д. Ю. Арапова // *Исторический архив*, 2004. № 1. С. 108). Если вначале Н. А. Крыжановский предлагал реформировать ОМДС в сторону усиления госконтроля за его функционированием, то с 1870 года он уже ратовал за его ликвидацию.

²¹ *Гейнс А. К. Собрание литературных трудов*. СПб., 1897. Т. I. С. 211–212.

²² *Валиханов Ч. Ч. Записка о судебной реформе // Ч. Ч. Валиханов Собр. соч. в 5 т. Алма-Ата, 1985. Т. 4. С. 77–104*. Записка датирована 28 февраля 1864 года, Омск.

²³ См.: *Документы об участии Ч. Валиханова в подготовке материалов по судебным обычаям казахов // Там же. Т. 5. С. 116–121*.

²⁴ Записка Степной комиссии «О магометанстве в Киргизской степи и об управлении духовными делами киргизов» (секретно) // *Российский государственный военно-исторический архив*. Ф. 400. Оп. 1. Д. 153. Л. 111.

²⁵ Выписка из объяснительной записки комиссии к проекту положения об управлении в казахских степях (1867 г.) // *Материалы по истории политического строя Казахстана. Алма-Ата, 1960. Т. 1. С. 276*.

²⁶ *Джераси Р. Культурная судьба империи под вопросом: мусульманский Восток в российской этнографии XIX века // Новая имперская история... С. 293–295*.

²⁷ Всеподданнейший отчет степного генерал-губернатора за 1887 и 1888 г. // ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 436. Л. 25.

²⁸ Докладная записка оренбургского генерал-губернатора Н. А. Крыжановского министру внутренних дел П. А. Валуеву о мерах борьбы с распространением магометанства в восточной половине России (31 янв. 1867 г.) // *Аграрный вопрос и крестьянское движение 50–70-х годов XIX в. / Материалы по истории народов СССР. Вып. 6. (Татарская АССР. Материалы по истории Татарии второй половины XIX века. Ч. I.). М. — Л., 1936. С. 202*.

²⁹ Там же. С. 203.

³⁰ *Ильминский Н. И. Некоторые мысли по поводу «Извлечения из всеподданнейшего отчета г. Военного Губернатора Тургайской области, о состоянии учебных заведений в 1869 году» // Н. И. Ильминский. Воспоминания об И. А. Алтынсарине. Казань, 1891. С. 182–183*.

³¹ Там же. С. 184.

³² См., например: *Сандерланд В. Русские превращаются в якутов? «Обынородчивание» и проблемы русской национальной идентичности на Севере Сибири, 1870–1914 // Российская империя в зарубежной историографии... С. 199–227*.

³³ Член Степной комиссии А. К. Гейнс писал по этому поводу: «В политическом отношении казаки не приносят в степи той пользы, которую можно ожидать a priori. Эти люди, нарядившиеся в киргизские халаты, говорящие со своими детьми по-киргизски, называющие приезжих из-за Урала русскими, а себя казаками, едва ли могут служить орудием обрушения в степи» (Гейнс А. К. Собрание литературных трудов. СПб., 1897. Т. 1. С. 117).

³⁴ Подробнее см.: Миллер А. И. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М., Новое литературное обозрение, 2006. Гл. 3. Проблемам алфавита, языка и национальной идентичности на западных окраинах Российской империи посвящен ряд статей во втором номере журнала *Ab Imperio* за 2005 год.

³⁵ Веселовский Н. И. Василий Васильевич Григорьев... С. 217.

³⁶ Ниссияма К. Принятие ислама... С. 200–224.

³⁷ Выписка из всеподданнейшего отчета министра народного просвещения по осмотру учебных заведений Оренбургского учебного округа // ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 2040-а. В качестве эксперта он пригласил с собой в поездку Н. И. Ильминского.

³⁸ Из отчета министра народного просвещения гр. Д. А. Толстого Александру II о состоянии учебных заведений Оренбургского учебного округа и о мерах борьбы с оттариванием башкир и киргизов // Аграрный вопрос и крестьянское движение... С. 338.

³⁹ Там же. С. 339.

⁴⁰ ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 2040-а. Л. 3–4.

⁴¹ Ильминский Н. И. Мнение по вопросу о мерах для образования киргиз (30 марта 1870 г.) // Н. И. Ильминский. Воспоминания об И. А. Алтынсарине... С. 160.

⁴² Ильминский Н. И. О применении русского алфавита к инородческим языкам (Казань, 1883 г.) // Николай Иванович Ильминский. Сборник статей. По поводу 25-летия со дня кончины его (27 декабря 1891 г.). Казань, 1916. С. 107–112.

⁴³ Ильминский Н. И. Мнение по вопросу о мерах для образования киргиз... С. 162.

⁴⁴ Три имени как бы подчеркивали его принадлежность к трем культурам: казахской, мусульманской и русской. О нем подробнее см.: Косач Г. Ибрагим Алтынсарин: человек в потоке времени // Вестник Евразии, 1998. № 1–2 (4–5).

⁴⁵ Васильев А. В. О киргизском языке и его транскрипции. По поводу издания «Киргизской Степной Газеты». Оренбург, 1896. С. 9.

⁴⁶ Государственный архив Омской области (ГАОО). Ф. 3. Оп. 9 .Д. 15406. Л. 3–4.

⁴⁷ [Ильминский Н. И.] Из переписки по вопросу о применении русского алфавита к инородческим языкам. Казань, 1883. С. 22–23.

⁴⁸ Ильминский Н. И. Мнение по вопросу о мерах для образования киргиз... С. 160.

⁴⁹ ГАОО. Ф. 3. Оп. 9 .Д. 15406. Л. Л. 78.

⁵⁰ ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 2040-а. Л. 51–52.

⁵¹ ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 780. Л. 12.

⁵² Знаменский П. В. Несколько материалов для истории Алтайской миссии и участия в ее делах Н. И. Ильминского. Казань, 1901. С. 91.

⁵³ ЦГА РК. Ф. 25. Д. 2022. Л. 82.

⁵⁴ Ильминский Н. И. Некоторые мысли по поводу... С. 192.

⁵⁵ Знаменский П. В. Указ. соч. С. 64.

⁵⁶ Васильев А. В. Материалы к характеристике взаимных отношений татар и киргизов с предварительным очерком этих отношений. Оренбург, 1898. С. 17. Сочинение Васильева было издано не только отдельной брошюрой, но и публиковалось в 1898 году в «Тургайской газете».

⁵⁷ Возражение киргиза на татарскую брошюру «Ушу кысса казактынг ахвалирын баян идыр» // *Васильев А. В.* Указ. соч. С. 39.

⁵⁸ *Васильев А. В.* О киргизском языке и его транскрипции... С. 25.

⁵⁹ *Васильев А. В.* Материалы к характеристике взаимных отношений... Оренбург, 1898. С. 17.

⁶⁰ На неэффективность такой политики указывал А. Букейханов: «В видах воспрепятствования пропаганде ислама, администрация изгоняла из киргизской степи всякого татарина: гонимый приобретал, благодаря этому, ореол мученичества, оставаясь преследуемым в степи, так как киргизы его скрывали. Администрация требовала, чтобы в киргизских мектебах — национальных школах — учитель знал русский язык. Для того, чтобы открыть школу или построить мечеть, требовалось особое разрешение, которое обыкновенно не давалось. В результате этого, и мектебы, и мечети устраивались нелегально» (*Букейхан А.* Избранное. Алматы, 1995. С. 74).

⁶¹ Труды общества изучения Казахстана. М., 1922. Вып. 3. С. 478.

⁶² См. например: *Садвокасова З. Т.* Духовная экспансия царизма в Казахстане в области образования и религии (II половина XIX — начало XX веков). Алматы, 2005.

живущие въ Кугартской волости, все ждутъ и ждуть!.. Снята на планъ и отмежевана за киргизами свободная государственная земля по ар. Мамасыдыку въ 1500 дес.: земля эта **затѣдомо казенная**, но работавшій тамъ комиссаръ г. Шипловъ, будучи противъ всякаго рода переселенцевъ, живущихъ въ Ферганѣ, нарочно не дождавшись окончанія разрешенія вопроса о Кугартской долинѣ и обѣ оставлений тамъ русскаго поселка*), распорядился чрезъ подвѣдомственнаго ему землемѣра снять на планъ и отмежевать ее киргизамъ. Въ Балыкчинской волости снята на планъ каз. оброчн. **статья „Бузъ“**—7125 дес. считавшаяся казенной 17 лѣтъ къ ряду и отдававшаяся въ аренду окружающему ее туземному населенію. Земля эта т. е. оброчная статья, снята какъ принадлежащая туземцамъ, несмотря на разъясненіе генераль-губернатора объявленного комиссіи чрезъ военного губернатора Ферганской области. И надо удивляться смѣлости гг. поземельно - податныхъ комиссаровъ Ферганской комиссіи съ какою храбростью они приступаютъ къ поземельно податнымъ работамъ, хватаясь обѣими руками за 255 ст. Туркестанского положенія.

И если бы чины комиссіи не старались заснимать не въ мѣру большія площади киргизскихъ земель и казенныхъ, т. е. не дѣлать, то что имъ не слѣдуетъ, то андижанскій уѣздъ давно бы былъ оконченъ дополнительными работами. Видимо временное учрежденіе старается какъ можно дольше оттянуть время своего существованія. Необходимо было бы обратить вниманіе кому слѣдуетъ, на

ненормальную постановку дѣла нашей поземельно податной комиссіи..

Дѣло о неправильной съемкѣ казенныхъ земель и свободно государственныхъ въ андижанскомъ уѣздѣ— есть неокончательное дѣло. Дѣйствія гг. комиссаровъ опровергнуты чинами мин. земл. и гос. имущ. и надо думать, что въ области правлениі и въ особенности въ совѣтѣ Туркес. генераль-губернатора на дѣйствія комиссіи взглянуть уже не подомашнему, а иначе....

Ногай-Курганъ.

Урожай хлѣбовъ въ текущемъ году у насъ очень хороший.

Мы радуемся этому явлению совершенно безкорыстно, такъ какъ самы земли почти не имѣемъ, но намъ весело смотрѣть на хороший сборъ у окружающихъ наст со всѣхъ сторонъ узбековъ, снявшихъ огромное количество риса со всѣхъ плантаций.

Поселокъ нашъ возникъ около ста лѣтъ тому назадъ, и въ счастливый периодъ его юности отцы наши были болѣе заинтересованы въ урожаяхъ, такъ какъ имѣли свои собственные земли.

Родоначальникъ кишлака Мулла-Губайбай пріѣхалъ сюда изъ Россіи во времена ханскаго владычества. Привезя съ собою энциклопедическую свѣдѣнія по разнымъ отраслямъ знаній, онъ былъ гостепріимно встрѣченъ ханомъ.

Губайбай не былъ ученымъ человѣкомъ, но онъ практически зналъ, какъ построить мельницу, вычинить кожу, отмѣрить землю, построить чистую простую избу, быть очень начитанъ въ священномъ писаніи, и

ко всему этому являлся добрымъ человѣкомъ.

Подобные качества расположили къ нему сердце хана и единовѣрцевъ, съ которыми Губайбай, покинувъ свою родину, захотѣлъ окончить свои дни.

Въ началѣ онъ поселился въ Ташкентѣ, въ нынѣшней Бинагачской части, въ той самой махалле, гдѣ стоитъ теперь мечеть Абуль-Касымъ-ишана, а затѣмъ ему разрешили было пріобрѣсти земли области Ногай-Кургана, на которыхъ онъ и получилъ въ то время грамату.

Съ этого времени каждого татарина—выходца изъ Россіи—ташкентскія власти отправляли къ его единоплеменнику, Губайблю, который отводилъ новому поселенцу усадьбу, давалъ работу, а затѣмъ и женилъ, уплачивая за него калымъ.

Нѣкоторое пріобщеніе къ европейской цивилизаціи Губайбая выражилось на вицѣнцѣ физіономіи возникавшаго татарскаго поселенія: оно было разбито, на подобіе русскихъ деревень съ прямыми, широкими улицами; въ усадьбахъ его введена культура нового для Туркестана лерева--вишни, которое служить теперь главнымъ подспорьемъ въ хозяйствѣ ногай-курганцевъ.

Однако, мирная жизнь татарь продолжалась недолго—кокандцы, соединившись съ недовольнымъ Ташкентомъ киргизами, учинили набѣгъ на татарское бекство, напали на новый пригородный кишлакъ ногайцевъ, угнали скотъ, перебили часть жителей и подожгли ихъ сакли.

Губайбай успѣлъ скрыться въ городѣ; уцѣлѣвшіе татары бѣжали въ Вѣрный, и на мѣстѣ осталась толь-

ко татарская бѣднота, не успѣвшая послѣ недавняго переселенія достаточно опериться.

Набѣгъ этотъ кореннымъ образомъ измѣнилъ жизнь татаръ. Волненіе долго не улегалось и, пользуясь отсутствиемъ хозяевъ, соѣди ногайцевъ захватили ихъ полевые земли, и вмѣсто культуры ишенины ввели посѣвы риса, т. е., другими словами, заболотили всю пустынью, принадлежавшую Губайбаю.

Лишь черезъ значительный промежутокъ времени Губайбай вернулся въ основанное имъ селеніе. Но онъ уже былъ бессиленъ возстановить права ногайцевъ на земли въ полномъ объемѣ прежняго владѣнія и удовлетворился возвращеніемъ личной собственности въ нѣсколько десятковъ десятинъ и отводомъ оставшимся татарамъ куска заболоченной земли, на которой ногайцы, съ затратой огромнаго труда, снимаютъ малоцѣнное сѣно и до настоящаго времени.

Теперь главнѣйшимъ источникомъ средствъ къ существованію ногай-курганцевъ служитъ: продажа вишенъ, которыхъ каждый дворъ отпускаетъ рублей на 12—15 въ годъ, продажа дровъ отъ подчистки таловъ, растущихъ на усадебныхъ надѣлахъ и отъ продажи сѣна окружающаго кишлакъ болота.

Послѣдній промыселъ связанъ съ тяжелой работой. Кесъбу сѣна приходится сорвать, стоя по колѣни въ грязи, и потомъ на собственныхъ плечахъ переносить его въ усадьбу, гдѣ его скупаютъ ташкентскіе торговцы по одному рублю за сотню сноповъ. Конечно, столь ограниченныхъ доходовъ мало для

сносной жизни, и значительная часть жителей кишлака служитъ въ Ташкентѣ въ качествѣ поваровъ, лакеевъ, прикащикоў. Остающіеся дома продаютъ свой досугъ окрестнымъ крупнымъ землевладѣльцамъ-сартамъ и узбекамъ, въ качествѣ мардекеровъ.

Однако, на этомъ попришѣ ногай-курганцы встрѣчаютъ сильную конкуренцію со стороны киргизовъ Чимкентскаго уѣзда. Каждый годъ, ко времени жнитва риса, чимкентскіе кочевники являются сюда значительными партіями и сбиваются цѣны на трудъ. Взрослаго работника рисоводы безъ труда нанимаютъ за 45—60 руб. въ годъ.

Но самыми злѣйшими врагами ногай-курганцевъ являются веселящіеся ташкентцы.

Съ первыми лѣтними днями они являются сюда in's Grillen, и тогда покой кишлачниковъ кончается; г.г. весельчаки нахально лѣзутъ въ сады, ломаютъ деревья для разведенія костровъ, а, напившись пьяными, не даютъ прохода татарскимъ женщинамъ. Болѣе безцеремонные занимаются мародерствомъ, стрѣляя куръ или воруя яйца. Досаднѣе всего, что между подобными господами не рѣдкость встрѣтить представителей интеллигенціи, которая не находитъ лучшаго способа проявленія своего превосходства надъ задушеннымъ нуждою кишлачникомъ. Недавно, напримѣръ, двое чиновныхъ особъ явились на пикникъ съ четвертью водки въ карманахъ. Одинъ изъ нихъ, напившись, раздѣлся до гола, и терроризировалъ женское населеніе кишлака, а другой, съ ружьемъ въ рукахъ, при-

крывалъ наглые выходки товарища. Поздно вечеромъ они забрались въ одиноко стоящую саклю туземца и заставили его всю ночь угождать себѣ пловомъ и чаемъ, само собою разумѣется, бесплатно.

Андижанъ.

Хлопковый сезонъ въ полномъ разгарѣ. Заводы работаютъ день и ночь и желѣзнодорожный вокзалъ начали уже заваливать горы кипъ, который, обыкновенно, всю зиму мокнуть подъ открытымъ небомъ. Ожидается съ нетерпѣніемъ прибывка вагоновъ къ товарнымъ поѣздамъ, но это въ будущемъ, а въ настоящее время медленность отправки, даже сравнительно съ прошлымъ годомъ, еще увеличилась введеніемъ новаго правила—перевѣшивать кипы на десятичныхъ вѣсахъ, съ наступленіемъ же дождливаго времени эта своего рода канцелярская волокита грозитъ стать еще медленнѣе.

Пропорціонально хлопковой горячкѣ растѣтъ разнуданность безчисленныхъ портерныхъ и просто кабаковъ, которые положительно соперничаютъ въ наглости. Началась эта развязность кабацкая сравнительно недавно, и достигла своего апогея съ той счастливой минуты, когда получилось разрѣшеніе каждой портерной держать пѣвицъ и музыку, Благодаря такому счастливому стечению обстоятельствъ, музыка гремитъ и пѣвицы визжатъ, не переставая даже во время церковныхъ службъ. Содержать кабаки исключительно армяне, посѣшаютъ же ихъ мусульмане.

Печальная обстановка для введенія аборигена страны въ двери европейской культуры.